

«Рустаму нравился Брейгель, неутомимый добыватель красоты из броуновского движения ничтожных человеческих частичек. И нравился Цюрих, очень брейгелевский город. Просто люди, делают свои просто дела. Катят и катят свои колёса две тысячи лет. Пекут хлеб, строят дома, чинят механизмы, считают деньги, свои и чужие. Увидеть во всём этом красоту непросто. Нужно долго всматриваться. Она определённо есть, красота по-цюрихски. Это не Париж, не Вена, не Рим, не Петербург, где красота призвана на службу монаршему и государственному величию. В Цюрихе, в котором отродясь ни королей, ни аристократов не было, где всем всегда заправляли ремесленники и купцы, где во времена Реформации соскабливали фрески с церковных стен и запрещали музыку, она, как росток, пробилась сквозь асфальт, обвила чугунными цветами ограды парков и скверов, проступила разноцветными витражами в окнах домов, разлетелась белыми парусами по озеру, и держит, держит этих маленьких суетливых людишек вместе, не даёт им разбежаться в разные стороны. Красота держит. А что же ещё? Рустам это так понимал.»